

Жизнь после жизни

Кемеровская "Ложа" с Евгением Гришковцом и без него

Осенью 1990 года Евгений Гришковец собрал семь студентов кемеровских вузов, чтобы поставить спектакль по "Острову сокровищ". Никто из них не имел ни малейшего опыта работы в театре. Тем не менее им позволили переоборудовать один из залов Дома художника, а на родительские деньги был куплен старый световой пульт, с которым никто не умел работать. "Остров сокровищ" поставить не удалось, но получился спектакль "Мы плывем", с которого и начался театр "Ложа". Этот нежный и смешной спектакль был практически без слов, потому что с текстом, как и с пультом, тоже никто не умел работать. Зато было много музыки, которая должна была заглушить, по признанию Гришковца, гудение пульта.

Потом "Ложу" выселили из Дома художников. Приют коллективу дал Кемеровский технический университет, где в помещении бывшей столовой Гришковец сотворил своими руками построили театр — зрительный зал, сцену, фойе с баром. Здесь "Ложа" и обитает до сих пор в статусе студенческого театра. Здесь и были сыграны все их спектакли: "Singularity tantum", "Титаник", "Полное затмение", "Осада", "Люди в поисках гармонии". Театр показал их на многих фестивалях в России и за границей — и всегда с неизменным успехом. Как говорит Гришковец, фестивали были маленькими, но радость большая и настоящая. С середины 90-х годов он сейчас ностальгически называет самым счастливым временем.

Спектакли создавались коллективным творчеством, хотя, конечно, идеологом, двигателем и душой "Ложи" был Евгений Гришковец. То, что они делали, сам он определяет как провинциальный постмодернизм. Можно выделить составляющие театрального языка "Ложи": работа с незафиксированным текстом, принципиально несценическое поведение на сцене и несценическая речь, аскетизм декораций, костюмов и реквизита, тщательный подбор музыки, громкость фонограммы как эстетическая составляющая.

Кроме спектаклей, "Ложа" устраивала различного рода акции, театрализуя пространство индустриально-провинциального города. К примеру, демонстрацию в защиту гипсовой скульптуры "Маша и медведь" на одной из городских магистралей, которую, впрочем, никто и не собирался сносить... У театра образовался круг зрителей и поклонников из числа продвинутой моло-

дежи, были широкая известность в не таких уж и узких кругах, внимание городских властей и беспроblemное в перспективе существование. И тут Гришковец уехал в Калининград. В конце 1998 года он впервые показал "Как я съел собаку" в Москве — и с этого начался его вертикальный взлет. Ныне он, оглядываясь, называет создание "Ложи" и уход из нее самым большим и самым трудным результатом.

Некоторое время "Ложа" напоминала покинутое душой тело. По инерции игрались спектакли и капсуляники, состоящие из безумно смешных миниатюр, придуманных при Гришковце. Но смысл существования потерялся. В конце 1999 года возглавивший театр Константин Галдаев после московского семинара "Verbatim", посвященного документальной драматургии, взялся за создание спектакля по этой технологии. Спектакль "Угольный бассейн" — естественно, о шахтерах. По иронии судьбы в окрестностях Кемерова в это время как раз закрывается последняя шахта... Готовый спектакль "Ложа" показывал на прошлогоднем семинаре драматургов в Люблиновке, а в конце года — на заключительном семинаре "Verbatim".

Над сценой, затянутой черной пластиковой пленкой, косо висит черный же куб внушительных размеров — материализованный черный квадрат Малевича, знакомое со школы обозначение каменного угля в объеме, этакий черный ящик. Три актера в белых шахтерских касках с лампочками битый час объясняют устройство шахты, технику безопасности, рассказывают историю в духе Шукшина, цепляющиеся одна за другую, — про мифическую опромную белую крысу, живущую в шахте, про несостоявшуюся женитьбу, про брата-художника, рисующего абстрактные кар-

тины... Спектакль держится на нескольких внутренних рифмах и скрепах — скажем, бессловесную невесту в свадебном платье и фате, проползающую по сцене на четвереньках, в равной степени можно принять за ту самую белую крысу. Она же в финале тушит лампочки на касках актеров — и при всей избитости приема это действует и всерьез меняет тональность. Такие метафорические вкрапления, естественно, противоречат догматической британской технологии документальной драматургии, но добавляет спектаклю объема, делая его из инструмента исследования шахтерской субкультуры фактом искусства.

"Ложа" с триумфальным успехом показала "Угольный бассейн" на первом Сибирском фестивале независимых театров "Sib-Altera" в Новосибирске в декабре прошлого года, получила призы "За воплощение идеи независимого театра" и "Новация". Приз за лучшую мужскую роль также получил актерский коллектив "Ложи". Пресса именвала театр не иначе как легендарным — связывая "Ложу", очевидно, с блеском "Золотых Масок" Гришковца.

"Ложу", однако, с Гришковцом уже не связывает ничто. Точнее сказать — его с "Ложей". Разве что общие элементы языка, лексиксы и синтаксиса, выбранного в начале славных дел. С момента расставания они движутся в разных направлениях и с разной скоростью. "Ложа", пожалуй, изжила комплекс покинутости и беспризорности после короткого периода разброда и шатаний, к удивлению скептиков, готовых было записать театр по ведомству живых трупов. Но, вопреки диагнозу, театр скорее жив — хотя и другой жизнью.

Сергей САМОЙЛЕНКО

Сцена из спектакля "Угольный бассейн"

Угольный бассейн — 2001 — 2-8 акт — сц